

Лев Рубинштейн и Элен Анри-Сафье: Игра в слова | Lev Rubinstein et H  l  ne Henry-Safier : Jeux de mots

Автор: Надежда Сикорская, [Монрише](#) , 03.10.2018.

Лев Рубинштейн и Элен Анри-Сафье (   NashaGazeta.ch)

20 сентября 2018 г. в Литературном фонде Яна Михальского в Монрише состоялась очень интересная встреча, жанр которой трудно определить – тут и творческий вечер, и литературные чтения, и перформанс...

|

Le 20 septembre, dans la Fondation Jan Michalski a eu lieu une rencontre fort intéressante, dont le genre est difficile à définir : une lecture-rencontre, une lecture-performance...

Lev Rubinstein et Hélène Henry-Safier : Jeux de mots

Придя на встречу и увидев до отказа заполненный зал светлой, уютной библиотеки – пришлось приносить дополнительные стулья! – мы очень обрадовались и понадеялись, что есть среди жаждущих подпитки для ума и наши читатели, узнавшие о приезде Льва Рубинштейна в Швейцарии из своевременного размещенного на нашем сайте объявления.

Напомним для тех, кто не в курсе, что российский поэт, публицист и эссеист, обозреватель, общественный деятель, лауреат литературной премии «НОС-2012» за книгу «Знаки внимания» Лев Рубинштейн родился в 1947 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного заочного педагогического института (ныне МГГУ им. М. А. Шолохова), долгое время работал библиографом.

Литературой занимается с конца 1960-х годов; в начале 1970-х начал разрабатывать собственную стилистику минимализма. Под влиянием работы с библиотечными карточками с середины 1970-х годов создал собственный жанр, возникший на границе вербальных, изобразительных и перформативных искусств — жанр «картотеки». Один из основоположников и лидеров московского концептуализма (наряду с Всеволодом Некрасовым и Дмитрием Приговым).

Лев Рубинштейн — участник многих поэтических и музыкальных фестивалей, художественных выставок и акций. Первые публикации (по-русски и в переводах) появились на Западе в конце 1970-х годов. Первые публикации в России — с конца 1980-х.

В январе 2017 года Рубинштейн вышел из состава Русского ПЕН-центра, написав в своём обращении: «...Среди основных задач мирового ПЕН-движения значится „бороться за свободу выражения и быть мощным голосом в защиту писателей, которые за свои взгляды подвергаются преследованиям, тюремному заключению и угрозе жизни“. Российский ПЕН-центр этим не занимается, а значит, никакого отношения к ПЕН-движению не имеет. Задача всей деятельности Российского ПЦ только в том, чтобы не рассердить начальство».

Вообще же из многочисленных циркулирующих цитат «из Рубинштейна» нам больше всего нравится эта: «Убивать мозги так же преступно, как убивать людей».

(© Nashagazeta.ch)

Тексты Льва Семеновича переведены на основные европейские языки. В 2015 году в московском «Новом издательстве» вышло полное собрание его текстов на карточках (1975-2008). Именно на этом издании основан французский перевод Элен Анри-Сафье, вышедший в 2018 году в издательстве Éditions du Tripode под названием «La cartotheque» («Картотека») и послуживший поводом для вечера в Монрише.

Конечно, главным героем был Рубинштейн, ради него добирались люди в труднодоступную даль, однако Элен Анри-Сафье, известная русистка, почетный преподаватель-исследователь Сорбонны, оказалась полноценным участником этого своеобразного шоу. Элен занимается литературными переводами с 1975 года, под ее редакцией вышел первый сборник литературоведческих статей об Осипе Мандельштаме на французском языке и первый сборник избранных стихов Бориса Пастернака. В ее «послужном списке» - переводы многих пьес и поэтов, в частности, Бродского, Набокова, Блока и Цветаевой, а также современных авторов. В 2013 году Элен Анри-Сафье была удостоена премии «Русофония» за перевод отмеченной российской премией «Букер» биографии Бориса Пастернака (автор - Дмитрий Быков). В 2017 году в издательстве Actes Sud вышел ее перевод романа «Мы» Е. Замятина.

Разумеется, сразу по окончании встречи мы пожалели, что не записали ее на видеокамеру - словами такое трудно передать, но мы попробуем. Итак, выглядело это так: за журнальным столиком сидели Он и Она. У каждого в руке была стопка карточек - представители среднего и старшего поколений не могут такие не

помнить, если хоть раз бывали в библиотеке до эпохи компьютеризации. По очереди они читали (соответственно, по-русски и по-французски) записанные на этих карточках мысли – додуманные и нет, целиком и обрывками, цитаты или намеки на них, парафразы, фрагменты диалогов... Все это казалось совершенно бессвязным и бессмысленным, но в восторг почему-то приводило. Вот начало перформанса:

1. Лестница существ.

L'échelle des êtres.

2. Ну что, начнем что ли?

Bon, alors, on commence ?

3. Господи, да тихо же, дайте послушать!

Bon sang, moins fort, on n'entend rien !

4. Сколько же можно, господи, одно и то же, одно и то же ...

Trop c'est trop à la fin, encore et toujours la même chose...

5. Господи, как же ты меня напугал...

Bon sang, ce que tu m'as fait peur...

6. Ой как чешется, господи, не могу больше...

Qu'est-ce que ça gratte, je ne peux plus...

7. Господи, да кто же это тут так навонял?!

Seigneur Dieu, que-ce que pue donc tant?!

Публика внимала, улыбалась и понимающе кивала, хотя, казалось бы, что тут можно понять? (При этом, заметьте, карточки переведены уже на десяток языков, включая японский!) Минут через 10 после начала с карточек начали просачиваться отдельные стихотворные строки типа «Слюною кисло-сладкой подушку окропи...», «Вот свет повсюду гаснет, но виден его след», «И радио на кухне о чем-то о таком» вперемешку с «От головы бы что-нибудь» и «Стихов давно уж не пишет, слава богу, каким-то делом занялся».

Одна из русских полок в библиотеке Фонда Яна Михальского (© Nashagazeta.ch)

В какой-то момент тексты начали повторяться, и в зале завертели головами – не ошибка ли? Оказалось, не ошибка, так как на глазах изумленной публики неожиданно родилось вполне связанное, рифмованное и почти завершенное стихотворение, встреченное бурными аплодисментами.

Вторая часть встречи проходила исключительно на русском языке – благо те, кто им владеют, преобладали. Лев Рубинштейн прочитал свои «Вопросы литературы», родившиеся на карточках еще в 1992 году. Есть там такие строки:

100.

И вот мы читаем.

101.

Мы читаем под завыванье ветра, под дребезжанье оконных рам, под шум прибоя...

102.

Мы читаем под шум прибоя, под приступы тошнотворной тоски, под звон стекла...

103.

Мы читаем под звон стекла, под насмешливые взгляды окружающих, под завыванье ветра.

Наконец, на свет была извлечена еще одна коробочка с карточками и возобновилось двязычное двухголосье. Думаете, легко такое переводить? А вот скажите по-французски «сознание начало дребезжать». Элен Анри-Сафье предложила «conscience vibre», но это все же не совсем то... ох уж наш великий и могучий...

За перформансом последовала дискуссия, которую все явно ждали, так как вопросы посыпались прямо как... карточки. Мы постарались донести до вас фрагменты, показавшиеся нам наиболее интересными.

Выставка книг Льва Рубинштейна (© Nashagazeta.ch)

Первый вопрос, прозвучавший в явно подготовленной аудитории, касался интертекста, что в литературоведении означает соотношение одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов, обеспечивающее превращение смысла в заданный автором. Интертекст - основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам. Понятно, что творчество Льва Рубинштейна - отличный тому пример, а потому он и взялся отвечать.

Он признался, что, начав заниматься литературным творчеством, не собирался публиковаться, вернее, не надеялся на это. «Я существовал в ситуации то ли до-Гуттенберговской, то ли после», - обрисовал он свое тогдашнее положение. Однако с возникновением гласности и появлением возможности печататься возникла проблема отношения между текстом и его воплощением в виде книги. «Книга для меня - это компромисс, - говорит Лев Рубинштейн. - Потому что в оригинале текст находится на карточках. Плоскость картотеки и объемность книги можно сравнить с фотографией и скульптурой. Voilà.»

Не стоит забывать и то, что делать записи на карточках Рубинштейн начал в одном политическом контексте, а издаваться они начали и продолжают - в другом. «Мне

кажется, что точное попадание в контекст однажды будет воспроизводиться и в другие временные эпохи, - комментирует автор. - Когда мы читаем комментарии Лотмана к «Евгению Онегину», мы понимаем, что совершенно не понимаем «Онегина» так, как его понимали современники Пушкина. Там были аллюзии, шутки, намеки, понятные не просто современникам даже, а только людям его круга. Даже начинается роман Пушкина точно, как крайне популярный в его время английский роман «Мельмот Скиталец, только в стихах». Ну и что? Да ничего, конечно!

«Высказывания Рубинштейна, записанные на карточках, - изначально гибриды, так как касаются всякой всячины, - добавила Элен Анри-Сафье. - Тут и поэзия, и белые стихи, и научные перлы, и бюрократизмы. Отсюда и рождается интертекстуальность, которую обнаруживаешь, работая с этими текстами. Степень проникновения в них читателя, его способность ухватить многочисленные скрытые смыслы, в большой степени зависит от него самого. Загадочность высказываний и делает их столь живыми.» Это правда, чего стоит хотя бы «Домашний концерт» в коммунальной квартире, с постоянно включенным радио на общей кухне - но что поймет здесь франкофон? А что, если заменить советские шлягеры популярной французской песенкой вперемешку с Гюго? Работает! Бессмысленная, но известная всем по учебнику русского языка для первого класса фраза «Мама мыла раму», преобразилась в «Папа курил трубку» (Papa fumait la pipe). «Это доказало мне, что передо мной - выдающийся переводчик», комментирует Лев Рубинштейн.

"Вопросы литературы" не нуждаются в переводе (© Nashagazeta.ch)

Только тот, кто испытал на себе трудности художественного перевода, может оценить, насколько нелегко переводить такие, казалось бы, легкие выражения: ведь надо не только понять эффект, производимый ими на публику на языке оригинала, но и донести этот эффект до иностранцев, или, по словам Элен Анри-Сафье, «сделать доступным непередаваемое».

На наш взгляд, уважаемая переводчица несколько польстила нашим соотечественникам, сокрушаясь о неточности перевода «клейкие листочки» как *bourgeons* (почки) - «Разумеется, каждый русский человек сразу узнает, что это – из «Братьев Карамазовых». Люди с гуманитарным образованием, полученным в советскую эпоху, может, и вспомнят спор двух братьев, а вот нынешнее поколение... Мы также готовы поспорить, что никто из присутствовавших на встрече не узнал в одном из высказываний на карточке – «Месяц светит, котенок плачет» - строку из арии Юродивого из «Бориса Годунова».

Радость собственного узнавания и оброненная Львом Семеновым фраза о том, что в 1970-е у него было не больше сотни читателей, побудили нас задать гостям вечера один на двоих вопрос: кому, какой аудитории адресованы и карточки, и их перевод сегодня?

- Ответов на это может сразу два, и они друг другу противоположны, - сообщил Лев Семенович. – Первый – это некий гипотетический читатель, мое *alter ego*, человек, который читал то же, что и я, помнит то же самое, что и я, и которому смешно то же самое, что и мне. Второй ответ – любой человек. Если ему нравится написанное в принципе, то пусть он чего-то не понимает!

PS : На карточках Лев Рубинштейн уже не пишет, поскольку они утратили для него «статус универсального носителя», уступив его ... твиттеру!

[литература](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/lev-rubinsheyn-i-elen-anri-safe-igra-v-slova>